Евгений Шиллинг

Амулеты восточного Кавказа (с предисловием Е. Терюковой)

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-213-228

Eugenii Shilling

Amulets of the East Caucasus (with a Foreword by E. Teryukova)

This article describes the ethnographic collections gathered by E.M. Shilling for the Central Antireligious Museum in the Caucasus during expeditions from 1934 to 1940. It contains not only a detailed classification and technical description of material relevant to the traditional beliefs of the peoples of the Caucasus, but also valuable anthropological, cultural, historical and bibliographic information. The introduction of this information into scientific circulation will not only allow for a more accurate attribution of objects of everyday religious practice stored in Russian museums, but also will shed new light on the characteristics of the traditional religiosity of the peoples of the Eastern Caucasus.

Keywords: the amulets of the Caucasus, ethnography, religious studies, E.M. Shilling.

Предисловие к публикации

Евгений Михайлович Шиллинг (1892–1953) — выдающийся представитель отечественного кавказоведения XX столетия, ученый-этнограф и исследователь религии. Е.М. Шиллинг был сотрудником Комитета по изучению языков и этнических культур народностей Кавказа, научным сотрудником сектора Кавказа Института этнографии, одним из основателей открывшегося в Москве 1 июня 1924 г. Центрального музея народоведения (1923–1948), где он работал в отделе Кавказа

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX в.».

и Передней Азии[1], преподавателем кафедры этнографии исторического факультета Московского государственного университета.

Шиллинг был очень интересным человеком, писал стихи, входил в литературно-художественное объединение «Маковец», был другом и духовным сыном о. Павла Флоренского. В 1930 г. Шиллинга, как и некоторых других сотрудников Музея народоведения, арестовали, и он восемь месяцев провел в тюрьме. После освобождения вновь занялся систематической полевой работой. В период с середины 1920-х до середины 1940-х гг. он совершил более 20 экспедиций на Северный Кавказ. Подобно другим крупным исследователям той поры Шиллинг был ученым-универсалом, «изучал материальную и духовную культуру народов региона во многих ее проявлениях одновременно»[2], что позволило ему собрать и доставить в Москву материалы, составившие впоследствии основу коллекций различных музеев: Центрального музея народоведения в Москве, Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, Государственного музея истории религии, Государственного музея Востока. В 1944 г. защитил в МГУ диссертацию «Кубачинцы и их культура (этнографические этюды)».

Е.М. Шиллинг внес весомый вклад в сравнительное изучение религиозных верований народов Кавказа. Его научные интересы чрезвычайно разнообразны: доисламские космогонические верования; региональные особенности ислама; элементы христианства в культуре народов Кавказа; почитание святых мест, рощ и деревьев; ритуальная практика, направленная на вызывание дождя; обычаи весенней обрядовой запашки; ритуалы, приуроченные к весеннему равноденствию, и праздники урожая и плодородия; гадания, знахарство, приметы, религиозный символизм и амулетная магия.

Труды Шиллинга до сих пор являются образцом профессиональных, скрупулезных исследований, а сформулированные в них проблемы и выдвинутые идеи послужили мощным импульсом для изысканий нескольких поколений ученых. Собранные им коллекции, многочисленные полевые записки, научные работы (как опубликованные, так и до сих пор хранящиеся в архивах в виде рукописей), приковывают к себе и в наши дни внимание

1. См. подробнее: *Ипполитов А.Б.* История музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.

2. *Лысенко Ю.М.* Роль научных учреждений Центральной России в изучении истории и культуры народов Дагестана (30-е гг. XX в.) // Вестник Института ИАЭ. 2013. № 1. С. 48.

исследователей. Справедливо пишет З.У. Махмудова: «Малоизвестные его работы — статьи, заметки, экспедиционные отчеты, аннотации к собранным музейным коллекциям, фотографиям и зарисовкам хранятся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и пока еще ждут своего исследователя»[3].

Одним из таких архивов Санкт-Петербурга, в котором хранились и ждали своего исследователя ранее не опубликованные экспедиционные материалы Е.М. Шиллинга, является Научно-исторический архив Государственного музея истории религии, где в ходе работы по уточнению атрибуции комплекса культовых предметов из аула Чох удалось выявить ранее не опубликованные машинописные и рукописные записи Шиллинга. Значение этого документального комплекса, связанного с именем Шиллинга, трудно переоценить. Его ввод в научный оборот позволит не только произвести более точную атрибуцию предметов из «кавказской» коллекции Государственного музея истории религии, но и реконструировать малоизвестную страницу в научной биографии исследователя — сотрудничество с Центральным антирелигиозным музеем (ЦАМ) в Москве. В отличие от работы Шиллинга в Центральном музее народоведения и преподавания на кафедре этнографии в МГУ, а также его экспедиций на Кавказ в 1940-е гг., которые были довольно подробно изучены в последнее время[4], сотрудничество Евгения Михайловича в 1930-е гг. с ЦАМ до сих пор не становилось предметом отдельного иссле-

3. *Махмудова З.У.* Дагестанские экспедиции кафедры этнографии Исторического факультета МГУ под руководством Е.М. Шиллинга: творческий поиск, находки, результаты исследований // Дагестанские этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга (1944–1946). М.: Три квадрата, 2013. С. 5.

4. *Захарова Е.Ю.* Аджарская коллекция негативов Е.М. Шиллинга через призму современных полевых данных: опыт работы с локальной памятью // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. LX. Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 64–85; *Ботяков Ю.М.* Архивные и иллюстративные материалы Е.М. Шиллинга по традиционным верованиям адыгов из собрания МАЭ // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб: МАЭ РАН, 2006. С. 30–63; *Махмудова З.У.* Дагестан на переломе эпох: этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. LX. Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 85–103; *Тахнаева П.И.* Сабля и знамя шейха Абу Муслима: чохские исламские реликвии // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. LX. Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 103–114.

дования. Сегодня, благодаря обнаруженным в 2016 г. в архиве ГМИР экспедиционным материалам Шиллинга, эта лакуна может быть заполнена.

Среди документов Е.М. Шиллинга, находящихся в архиве ГМИР, особый интерес представляет не опубликованная при жизни автора статья «Амулеты восточного Кавказа» (Д. 222 Ф. 31. Оп. 1), в которой приводится описание этнографических коллекций, приобретенных Шиллингом для ЦАМ на Кавказе в период с 1934-го по 1940 г.[5] По нашему мнению, эта статья не утратила своего научного значения и в наши дни, так как исследований по амулетам Кавказа очень мало[6].

Статья публикуется с некоторыми сокращениями. Комментарии — публикатора; ссылки Е.М. Шилинга отмечаются особо — квадратными скобками с указанием его инициалов.

Екатерина Терюкова

Амулеты восточного Кавказа[7]

Настоящая статья — описание музейных этнографических коллекций, приобретенных мной для ЦАМ на Кавказе за время с 1934 года по 1940. Описываемые здесь вещи (всего 37 №№) могут быть сгруппированы по следующим комплексам:

1. Татско-азербайджанские амулеты Апшерона;
2. Амулеты шиитского населения Дербента;
3. Лезгинские амулеты из селения Ахты;
4. Амулеты из села Кубачи.

При ограниченном количестве наших экспонатов было бы нецелесообразно классифицировать их иначе, по материалу, признаку принадлежности к объектам природы или культуры (материальной и духовной), как это делают некоторые исследователи.

Преимущества территориальной классификации в данном случае заключаются в том, что описываемые предметы мы будем

5. Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.
6. См. например: *Рагимов А.В., Соколовская О.М.* Амулеты — пережитки первобытных верований // Материалы по истории Азербайджана (Труды Музея истории Азербайджана, IV). Баку, 1961. С. 153–164; *Ковалевская В.Б.* Антропоморфные амулеты VI—IX вв. на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 176. Средняя Азия и Кавказ. М., 1983. С. 43–50.
7. Научно-исторический архив Государственного музея истории религии. Ф. 31. Оп. 1. Д. 222. Л. 1–24.

брать комплексно, без отрыва от среды, где они бытуют. Внутри же групп будем проводить деление по содержанию.

Кавказский амулетный материал вообще мало изучен. По этому предмету в этнографический литературе существует (не считая разнообразных сведений) специальная работа Чурсина[8]. Чурсин, привлекший значительное количество сведений, почерпнутых из литературы и его собственных наблюдений, однако, целиком пропускает описательную сторону. Его работа ценна как сводка справочного характера. Приводимый материал он располагает по многочисленным рубрикам («части человеческого тела», «животные», «растения», «раковины», «камни», «огниво», «железо», «подковы», «кольцо», «сеть», слова и молитвы) с включением в каждую из них более или менее случайного подбора фактов, относящихся к самым разнообразным районам Кавказа. Подобная система ведет к тому, что черкесские «кусочки дерева, в которые ударила молния» помещены у Чурсина как амулеты рядом с карапапахскими[9], армянскими и тюркскими деревянными амулетами и талисманами. Культ божества грома — Шибле, который таится за черкесскими «кусочками дерева», совершенно при этом ускользает. Подобным образом стирается подлинный смысл и ряда других амулетов, расположенных автором вне связи с религиозными верованиями определенных этнических групп Кавказа.

Татско-азербайджанские амулеты нашей коллекции (13 номеров) происходят из апшеронских селений Тюркян и Маштаги и города Баку. В их сборе летом 1940 г. значительную помощь оказала Рахшанда Бабаева[10].

Жители указанных селений — таты[11] и азербайджанцы Бакинского района. Таты сильно ассимилировались, говорят по-азербайджански, в значительной мере утратив родной язык. В среде этого населения (по религиозной принадлежности шиитского) до сих пор не вполне утратилась вера в амулет — мунджук (по-азербайджански мунджук — бусина). Это верование, наряду с верой

8. *Чурсин Г.Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.

9. Карапапахи (букв. «черные папахи») — группа тюркских племен, проживающая на территории Ирана и Турции.

10. Научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Азербайджанского филиала Академии наук. [*Е.Ш.*]

11. Таты — ираноязычный этнос, проживающий на территории Азербайджана и Дагестана и исповедующий шиитский ислам.

в «пиры»[12], оказывается в Азербайджане наиболее устойчивым при весьма заметном, в общем, отходе масс от религии. В дальнейшем изложении в каждом отдельном случае будут даваться сведения о степени сохранности того или иного амулета данной группы в современном быту.

Татско-азербайджанские амулеты многочисленны и разнообразны. Это преимущественно бусины из различного материала и различно осмысляющиеся раковины. Другого рода амулеты, связанные с животным или растительным миром, тоже бытуют, но встречаются реже. Есть, например, амулет «змеиный» или «плечо черепахи», амулеты с защитным магическим текстом, написанным по-арабски. В качестве примера укажу на баз-бенд с «молитвой», вложенной в серебряный футляр; его подвязывают к левой руке ребенка в целях защиты этого последнего от болезней и сглаза.

Для удобства обзора характеризуемые объекты мы условно, ибо четкого разграничения провести между ними нельзя, поделим на: а) амулеты, связанные с супружеской жизнью; б) амулеты от сглаза; в) амулеты лечебные.

а) Амулеты, связанные с супружеской жизнью.

Гогче мунджук, т. е. голубой мунджук — бусина голубая (из бирюзы), круглая, напоминающая сильно сплюснутый на полюсах шар; диаметр 0,7 см со сквозным отверстием по оси, проходящей через полюсы. Сел. Тюркян.

Двоеженец — ики арвадлы киши (двух жен муж, *с двумя женщинами человек*) — секретно дарил такую бусину любимой жене. В беседе он мог сказать: «моя душа у той, кто имеет гогче мунджук». Кроме Бакинского района гогче мунджук был известен в районе Кубы и ряде других мест Азербайджана. Бирюза, как известно, в украшениях и амулетах имеет широкое распространение в Иране[13].

Поскольку в настоящее время многоженство в основном изжито, этот предмет можно считать ушедшим из быта. <...>

б) Амулеты от сглаза.

<...> Гёз-мунджук, т. е. глаз-бусина — черная шарообразная стеклянная бусина, немного сплюснутая у полюсов (диам. 1 см)

12. Пир или оджаг — почитаемые с глубокой древности святилища в Азербайджане.

13. Бирюза у армян — амулет, освобождающий от забот, способствующий благоденствию, ей приписывалась способность избавления также от глазных болезней. [*Е.Ш.*]

со сквозным отверстием, проходящим через полюсы. Имеет девять круглых правильно чередующихся пятнышек, нанесенных способом инкрустации белой краской, на поверхности бусины сделаны выемки, заполненные краской; эти выемки видны в некоторых местах, где стерлась краска; при этом каждое пятнышко имеет еще внутри небольшой красный или голубой мазок. Гёзмунджук — амулет от сглаза, носят женщины и дети. Если «глазок» (т.е. краска пятнышка) сотрется или выпадет, это значит, что человека, носящего этот амулет, сглазили. Гёз-мунджук до настоящего времени имеет распространение почти во всех районах Азербайджана. Сел. Тюркян. <...>

в) Амулеты лечебные

<...> Сарлык, т. е. желтизна — янтарная крупная бусина цилиндрической формы (размер: дл. 2 см, диам. 1,7 см) со сквозным отверстием, высверленным в продольном направлении. Употребляется как целебное средство от желтухи; кусочек сарлык толкут, его порошком посыпают яйцо и едят. Сарлык известен почти во всех районах Азербайджана. По другой версии, порошок толченного сарлык пьют с водой как целебное средство от желтухи. Такие амулеты сохраняются в быту до настоящего времени. Мужчины носят сарлык в четках. Сел. Маштаги. <...>

Коллекция амулетов по лезгинам... была собрана мною в сел. Ахты в 1935 г. Помощь в сборе оказал Ахтинский Краеведческий музей.

Лезгины — один из крупных яфетических[14] народов Дагестана, область расселения его примыкает к северо-восточным границам Азербайджана. В языке много заимствований из тюркского и арабского языков. В культуре этого народа наблюдаются следы влияний Азербайджана. Однако в этой культуре есть и много местных черт, очень своеобразных и порой отдающих глубокой стариной.

Лезгины Ахтинского района, в отличие от населения Апшерона и Дербента, могут считаться горцами с типичным для нагорных полос хозяйством. По религиозной принадлежности они сунниты.

14. Яфетические народы — согласно популярному в 1920–1930-е гг. и разработанному российским кавказоведом академиком Н.Я. Марром «Новому учению о языке» (теории о происхождении, истории и классовой сущности языка), яфетическими назывались народы, говорящие на яфетических языках, т. е. языках, название которых происходит от Иафета, сына Ноя. По теории Марра, к числу таких языков относились языки народов Кавказа.

Жители сел. Ахты, где собирались наши экспонаты, относились в прошлом к обществам, которые не подчинились ханам. Они управлялись самостоятельно и заключали между собой союзы. Один из таких союзов назывался по имени селения Ахты — Ахты-Пара (пара — кусок, часть). В отношении стадии развития этот район отставал по сравнению с жителями Прибрежной зоны (входившей до русского завоевания в состав Бакинского и Дербентского ханств) и находился в более изолированном положении.

Лезгинские амулеты, для удобства обзора, можно будет разбить на: а) амулеты лечебные; б) амулеты от сглаза; в) амулеты «из Мекки» (от бесплодия и нечистой силы). Все они относятся к той категории предметов, которые в момент сбора еще не могли считаться целиком ушедшими из быта. Отсталые слои населения продолжали верить в эти амулеты и применять их.

а) Лечебные.

Кван, т. е. камень — целебный камешек, взятый с горы Шалбуздак. При желудочных болезнях этот камень нужно было положить в воду и затем эту воду выпить.

Гора Шалбуздак[15] — почитаемое место близ села Мискинджа (примерно в 15 км от сел. Ахты). Жители села Мискинджи, говорящие на лезгинском языке — шииты.

О горе Шалбуздак ахтинские лезгины рассказывают:

— Это бывшая летняя резиденция наместника, поставленного распространителем ислама арабом Абу-Муслимом.

– Шалбуз, по преданиям, — старик и пастух, который жил на горе. Иначе трактуют название горы как «ледяная гора».

– На Шалбуздаге есть пещеры, мечеть и почитаемая часовня (пир Сулеймана), а также могила дочери пророка Мухаммеда — Фатимат.

– Там есть отверстие вроде тоннеля, через которое проходят все, желающие очиститься от грехов.

– Там два источника. Из них муллы при засухе берут воду и затем льют эту воду в реку Самур. Наоборот, при дождливой погоде вода с Шалбуздага, вылитая в Самур, способствует прекращению дождя.

15. Шалбырыз-даг — одна из самых высоких вершин восточного Кавказа, входит в Кавказский хребет, расположена на территории Дагестана, издавна является одним из священных мест и центром притяжения паломников.

– С Шалбуздага берут землю, которая считается целебным средством. Ее зашивают в тряпочку и носят на шее или разводят в воде и пьют.

– На Шалбуздаге, говорят, есть потухший вулкан и озеро неизвестной глубины.

– Рассказывают про старика, который шел на богомолье на гору Шалбуздаг и оказался наверху быстрее молодых. Молодые во время пути видели зайца, — этот заяц оборотень: старик был «святой», он принял вид зайца и прибыл на место молитвы раньше всех.

– Место на горе Шалбуздаг почитают жители села Куруш, ахтинцы, лезгины других селений, а также кубинцы и закатальцы. Сезон хождения на Шалбуздаг — июнь, июль.

Из сказанного ясно, что Шалбуздаг — это место, связанное с целым комплексом верований и обрядов весьма обширной территории. <...>

б) От сглаза.

<...> Кирх-калам, т. е. сорок надписей или сорок слов (тюрск. и арабск.) — амулет из 40 надписей на листе бумаги, вырезанном в виде серии сорока связанных друг с другом квадратов. Иначе этот амулет назывался хайкал (хекал). Текст обычно писал мулла, затем его завертывали в провощенную бумагу и давали в новый год родителям, чтобы ребенок носил кирх-калам на правой руке в качестве предохранительной ладанки.

в) Амулеты «из Мекки».

<...> Марьяман чарар, т. е. волосы Марии — растительные волокна, привозившиеся паломниками с востока, якобы с могилы «девы Марии». Марьяман чарар — «средство» против «чертей» и «злых духов». Этот амулет клали в саван умершим. (Длина данного предмета 6 см).

Лезгинские амулеты, по сравнению с другими, прежде всего, отличаются по своему виду. Апшеронские и дербентские в большинстве красивы и изящны, лезгинские же неказисты: перед нами небольшие дикие камешки, щепотка земли, крупная раковина, шерстяные нити, кусочки растений и, в одном случае, арабский текст, вынутый из ладанки. Назначение этих амулетов — «предохранение от сглаза» и «нечистой силы», и «исцеление» от бесплодия, малярии, кори и болезней живота, уха, глаза. Амулет, «предохраняющий» от кори, связанный с обрядами дня весеннего равноденствия, — пережиток культового почитания кори, известного и у других народов Кавказа, наряду с еще

более распространенным когда-то культом грозного божества оспы. Специально женским является лишь один амулет беш-бармак от бесплодия. Для детей употребляют новогоднюю ладанку и шерстяную нитку от кори. Остальные амулеты употребляются по мере надобности без различения пола и возраста.

Среди ахтинских амулетов есть, как мы видели, предметы, связанные со старым почитаемым урочищем на вершине горы, являющимся одним лишь из проявления сложного клубка верований и обрядов одного цикла. Такие предметы потеряли бы свой смысл, если бы мы брали их изолированно, сами по себе. Урочища, подобные Шалбуздагу, по происхождению доисламские и дохристианские, можно встретить и в других нагорных районах Кавказа (в Дагестане, Чечне, Ингушетии и далее на Запад, не говоря уже о Закавказье). В то же время в шалбуздагском клубке верований, наряду с чертами доисламскими, сильна струя ислама, что можно сказать и про все рассмотренные нами экспонаты из сел. Ахты в целом. Элементы ислама здесь переплетаются с более старыми верованиями (почитание источника горной вершины, весеннего праздника, кори), и мы вправе в следствии этого говорить о наличии у данной группы лезгин религиозного синкретизма. <...>

Кубачинцы живут в высокогорном и довольно изолированном районе Дагестана, севернее кюринцев. Этот небольшой народ (всего одно селение) окружен даргинцами. Кубачины говорят на особом языке и до сих пор сохранили самобытные черты национальной культуры. Н.Я. Марр считал их потомками древних албанцев. Основное занятие кубачинцев — металлообработка, о чем есть свидетельства еще во времена арабских авторов. Входя вплоть до середины XVII в. в систему владений уцмия Кайтакского[16], Кубачи как «вольное общество» управлялось самостоятельно старшинами. В общественном строе кубачинцев, издавна вовлеченных в широкий обмен, сбывавших свои изделия даже за пределы Кавказа, бывавших в далеких поездках, пережитки доклассовых форм сохранились в очень малой степени. Вместе с тем, в их развитой в общем культуре странным образом прослеживаются порой глубокие архаизмы. По религии кубачинцы мусульмане — сунниты.

Однако есть данные о существовании у них когда-то маздеизма, христианства и языческих верований. Об этих последних ин-

16. Кайтагское уцмийство — крупное феодальное государственное образование даргинцев на территории современного Дагестана в V–XVII вв.

тересное свидетельство мы находим у Потоцкого (конец XVIII в.)[17]. В его время среди населения аула Кубачи можно было еще встретить единичные случаи существования последователей старой религии («язычества»), уклонившихся от принятия ислама.

Кубачинские амулеты по своим функциям относятся к объектам, «предохраняющим» от сглаза, от «нечистой силы». <...>

Хекал — амулет в виде треугольника, с зашитой в нем «молитвой». Текст на клочке бумаги писал мулла. Содержание подобных текстов обычно обрывки священных книг, молитв, часто слова и фразы, лишенные смысла, буквы, фигуры, линии. Хекал носили женщины, дети, а также мужчины. Обычно этот амулет пришивали к подмышникам женского платья, рубахи, бешмета. Женщины носили также на шее. Хекал вешали лошади на челку, корове между рогами. Амулет предохранял от болезней или сглаза. Хекал под тем же названием известен также даргинцам, аварцам и лакам. Аналогичные амулеты имели широкое распространение, как в пределах Дагестана, так и вообще на Кавказе (в районах ислама с арабским текстом, в районах христианства с текстом христианского происхождения). Мне приходилось наблюдать ладанки с зашитым текстом в быту многих народов Кавказа. Они имеют различные наименования и разновидности: (ашхве у абхазов), (авгарози у грузин), (гамаиль у адыге). Выше в нашем описании уже встречались два амулета с писанными текстами — один из Дербента, другой из Ахты.

Хекал в Кубачах употребляется, правда, не часто и в настоящее время. Данный экземпляр приготовлен по моему заказу, в нем нет текста. Хекал с текстом трудно приобрести.

Описываемый предмет представляет собой треугольник (основание 8,5 см, высота — 5 см) из черной материи с петелькой у вершины и двумя серебряными монетами по углам у основания. <...>

Из просмотренных кубачинских амулетов первые два (бусинки и ладанка) по своему характеру сближаются с вышеописанными дербентскими азербайджанскими амулетами. Более своеобразны три (змеиная шкура, ветка терновника и круглое печение), используемые исключительно для детей. В них-то, может быть, и следует видеть остатки тех доисламских элементов, которые можно уловить в быту старшего поколения кубачинцев. <...>

17. Имеется в виду: Potocki, J. (1829) *Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase*. T. I-II. Paris.

Приведенный в статье материал затронул одну из сторон верований азербайджанцев, татов, лезгин, кубачинцев и, в меньшей степени, даргинцев и кумыков.

На Восточном Кавказе ислам в его двух толках — шиитском (на побережье) и суннитском (в нагорной зоне) — как известно, сравнительно с другими частями Кавказа укрепился раньше и прочнее. Первое его проникновение сюда относится ко времени арабского владычества (VIII в.). Однако процесс проникновения шел долго, медленно и неравномерно. В X в. граница мусульманского мира на Кавказе проходила в 3 арабских милях от Дербента, не затрагивая глубин страны. При Тимуре (XIV в.) горцы Центрального и Южного Дагестана были еще, с точки зрения правоверия, плохими мусульманами. Эвлия Челеби[18], описывая военные действия турок в Дагестане в 1578 году, свидетельствует о том же. Самому Шамилю приходилось укреплять основы религии Мухаммеда среди горцев и бороться с пережитками ряда доисламских обычаев. Прочнее, конечно, мусульманство укрепилось на прибрежной полосе, но и тут в эпохи значительно более поздние, чем время экспансии арабов. Возобладавший по берегу Каспия шиизм распространялся в XII в. из Мазандерана[19], причем это влияние особенно усилилось лишь с начала XVI века, с образованием в Иране шиитской династии.

В силу сказанного, понятно, почему в верованиях населения областей, откуда происходят наши экспонаты, наряду со слоями, относящимися к официальной религии (в ее двух толках), сохранились слои доисламские в тесном переплетении с первыми.

На примерах описанных предметов, доисламский слой сильнее проявляется в суннитской среде, в материалах лезгино-кубачинских (Ахты, Кубачи), представляющих собой, однако, две не связанные друг с другом группы, и слабее — в материалах шиитских, татско-азербайджанских (Баку, Маштаги, Тюркян, Дербент), являющихся, наоборот, единым комплексом.

Точно разграничить тут и там исламское от доисламского невозможно. Нам кажется, что особенно ярким проявлением слоя доисламского можно считать некоторые из приведенных в статье фактов из области амулетной магии, а также случаи, когда

18. Эвлия Челеби — турецкий путешественник XVII в., более сорока лет провел в путешествиях по Османской империи и сопредельным государствам, автор десятитомной «Книги путешествий».

19. Мазандеран — провинция на севере Ирана.

за теми или иными предметами проглядывают элементы полузабытых культов, относящихся к весьма древним религиозным представлениям. Таковы пережитки культа деревьев у кубачинцев, следы почитания источников и вершин в Ахтах и, особенно, остатки весеннего праздника, связанного с обрядовыми кострами, существовавшего не только у лезгин, но и других горских народов Дагестана (аварцев, лаков). За обрядами этого праздника, по-видимому, стоят старые астральные культы, о которых в отношении Кавказа и его южных связей говорил акад[емик]. Марр[20], и культ солнечного божества. Интересно отметить, что лезгинское jar (время праздника яран-сувар[21]) обозначает и первые 13 дней весны и середину лета (т.е. равноденствие и солнцестояние), и что в данный комплекс входят также элементы почитания болезни кори, очевидно, связанной с солнцем, как связан с солнцем культ оспы у черкесов.

Назначение просмотренных в статье амулетов сводится к функциям предохранения от сглаза, исцеления, предупреждения болезней (корь, малярия, желтуха, «черное удушье», ушные, глазные и желудочные заболевания, кровохарканье), обеспечения здоровья и супружеского благополучия, разрешения от бесплодия, оберега против нечистой силы и сохранения постоянного «божественного» покровительства при жизни и «на том свете», охраны сна и спокойствия ребенка («чтобы он не знал страха и был храбрым»).

Из приведенного перечня видно, какой широкий круг явлений повседневной жизни охватывают все эти амулеты и относящиеся к ним действия, ставшие в настоящее время, в основном, делом прошлого.

Едва ли необходимо доказывать их роль в быту, когда муллы, знахари, знахарки, хранители дедовских заветов опутывали народ целой сетью шарлатанских приемов вопреки здравому смыслу и самым элементарным правилам гигиены. Кусочки дерева, щепотки земли, осколки камешков, шкурки животных и другие, подобные этим, «испытанные» средства заменяли людям лекарства и врачебную помощь. Нечего говорить о страданиях, которые испытывали от этого дети и роженицы, особенно нуждавшиеся в рациональном уходе.

20. Н.Я. Марр (1865–1934) — отечественный филолог, кавказовед, археолог.

21. Праздник яран-сувар — символизирующий возрождение природы древний по своему происхождению праздник весны у лезгин.

Наши амулеты, представляющие часть целого (всего комплекса верований и обрядов[22]), естественно, лишь в малой степени иллюстрируют нескончаемую вереницу ... обычаев и суеверий, которыми изобиловал старый быт народов Азербайджана и Дагестана. Надо заметить, что пережитки многого из этого сохранялись до сравнительно недавнего времени, играя самую реакционную и вредную роль. Известны, например, такие факты, как попытки азербайджанских мулл в 1930, 1934 и 1939 гг. сорвать в некоторых районах полевые работы по хлопку, путем организации «новоявленных» пиров (почитаемых мест)[23] и «чудес». В 1937 г. у одного из пиров Хачманского района муж зарыл жену по горло в землю, надеясь, что она избавится таким образом от бесплодия. К утру молодая женщина была найдена мертвой.

Однако эти уродливые отдельные случаи единичны. С ростом культуры и экономического благосостояния страны факты отхода населения от старых верований стали явлением массовым. В 1940 году нам на Апшероне было нелегко собирать амулеты. Эти вещи оказались еще более или менее живучими в обиходе лишь старшего поколения. Да и этим последним они в значительной мере уже позабыты и брошены. В Баку сейчас нет ни одной функционирующей мечети. Сельское население изгнало мулл, отказалось от помощи знахарок и пользуется больницами и врачебными пунктами. Школы, клубы, избы-читальни и газеты успешно ведут просветительскую работу. Активно действуют также местные организации СВБ.

От прежних суеверий осталось мало. Если они кое-где еще и гнездятся, то наши задачи их выявлять, привлекать к научной обработке в качестве исторического материала и на основе этого укреплять разъяснительную работу на местах.

Библиография / References

Ботяков Ю.М. Архивные и иллюстративные материалы Е.М. Шиллинга по традиционным верованиям адыгов из собрания МАЭ // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб: МАЭ РАН, 2006. С. 30–63.

Захарова Е.Ю. Аджарская коллекция негативов Е.М. Шиллинга через призму современных полевых данных: опыт работы с локальной памятью // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. LX. Народы Кавказа: музейные коллекции,

22. Характеристика этого комплекса в целом не входила в задачи статьи. [*Е.Ш.*]

23. См.: *Мещанинов И.И.* Пиры Азербайджана // Известия Государственной академии материальной культуры. Т. 9. Вып. 4. Л., 1931; *Ямпольский З.И.* Пиры Азербайджана // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 8. М., 1960. С. 229–236.

исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 64–85.

Ипполитов А.Б. История музея народов СССР в Москве. // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.

Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 176. Средняя Азия и Кавказ. М., 1983. С. 43–50.

Лысенко Ю.М. Роль научных учреждений Центральной России в изучении истории и культуры народов Дагестана (30-е гг. XX в.) // Вестник Института ИАЭ. 2013. № 1.

Махмудова З.У. Дагестан на переломе эпох: этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. LX. Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 85–103.

Махмудова З.У. Дагестанские экспедиции кафедры этнографии Исторического факультета МГУ под руководством Е.М. Шиллинга: творческий поиск, находки, результаты исследований // Дагестанские этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга (1944–1946). М.: Три квадрата, 2013.

Мещанинов И.И. Пиры Азербайджана // Известия Государственной академии материальной культуры. Т. 9, вып. 4. Л., 1931.

Научно-исторический архив Государственного музея истории религии. Ф. 31. Оп. 1. Д. 222. Л.1–24.

Рагимов А.В., Соколовская О.М. Амулеты — пережитки первобытных верований // Материалы по истории Азербайджана (Труды Музея истории Азербайджана, IV). Баку, 1961. С. 153–164.

Тахнаева П.И. Сабля и знамя шейха Абу Муслима: чохские исламские реликвии // Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. LX. Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 103–114.

Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.

Ямпольский З.И. Пиры Азербайджана // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 8. М., 1960. С. 229–236.

Botiakov, Iu.M. (2006) “Arkhivnye i illiustrativnye materialy E.M. Shillinga po traditsionnym verovaniiam adygov iz sobraniia MAĖ” [E.M. Shilling’s archival and illustrative materials devoted to the traditional beliefs of the Circassians from the collection of MAE], in *Narody Kavkaza: muzeinye kollektsii, issledovaniia ob”ektov i iavlenii traditsionnoi i sovremennoi kul’tury*, pp. 30–63. SPb: MAE RAN.

Chursin, G.F. (1929) *Amulety i talismany kavkazskikh narodov* [*Amulets and talismans of the peoples of the Caucasus*]. Makhachkala.

Iampol′skii, Z.I. (1960) “Piry Azerbaidzhana” [The feasts of Azerbaijan], in *Voprosy istorii religii i ateizma* 8: 229–36.

Ippolitov A.B. (2001) “Istoriia muzeia narodov SSSR v Moskve” [The history of the Museum of the People of the USSR in Moscow], in *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 144–60.

Kovalevskaia, V.B. (1983) “Antropomorfnye amulety VI—IX vv. na Severnom Kavkaze” [Anthropomorphic amulets of the 9th to 11th centuries in the North Caucasus], in *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii. Vyp. 176. Sredniaia Aziia i Kavkaz*, pp. 43–50. M.

Lysenko, Iu.M. (2013) “Rol′ nauchnykh uchrezhdenii Tsentral′noi Rossii v izuchenii istorii i kul′tury narodov Dagestana (30-e gg. XX v.)” [The role of the scientific institu-

tions of Central Russia in the investigation of the history and culture of the people of Dagestan (1930s)] in *Vestnik Instituta IAE* 1.

Makhmudova, Z.U. (2015) "Dagestan na perelome epokh: etnograficheskie ekspeditsii E.M. Shillinga" [Dagestan at the turn of an epoch: The ethnographical expeditions of E.M. Shilling], in *Sbornik muzeia antropologii i etnografii. Vyp. LX. Narody Kavkaza: muzeinye kollektsii, issledovaniia ob"ektov i iavlenii traditsionnoi i sovremennoi kul'tury*, pp. 85–103. SPb: MAE RAN.

Makhmudova, Z.U. (2013) "Dagestanskie ekspeditsii kafedry etnografii Istoricheskogo fakul'teta MGU pod rukovodstvom E.M. Shillinga: tvorcheskii poisk, nakhodki, rezul'taty issledovanii" [Dagestan expeditions of the Department of Ethnography of the Historical Faculty of MGU guided by E.M. Shilling: Creative search, findings, the results of explorations], in *Dagestanskie etnograficheskie ekspeditsii E.M. Shillinga (1944–1946)*. M.: Tri kvadrata.

Meshchaninov, I.I. (1931) "Piry Azerbaidzhana" [The feasts of Azerbaijan], in *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii material'noi kul'tury*. T. 9. Vyp. 4. L.

Nauchno-istoricheskii arkhiv Gosudarstvennogo muzeia istorii religii [Scientific and Historical Archive of the State Museum of the History of Religion]. F. 31. Op. 1. D. 222. L. 1–24.

Potocki, J. (1829) *Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase*. T. I-II. Paris.

Ragimov, A.V., and O.V. Sokolovskaia (1961) "Amulety — perezhitki pervobytnykh verovanii" [Amulets as a remnants of primitive beliefs], in *Materialy po istorii Azerbaidzhana (Trudy Muzeia istorii Azerbaidzhana, IV)*, pp. 153–164. Baku.

Takhnaeva, P.I. (2015) "Sablia i znamia sheikha Abu Muslima: chokhskie islamskie relikvii" [Sheikh Abu Muslim's saber and banner: Chokh Islamic relics], in *Sbornik muzeia antropologii i etnografii. Vyp. LX. Narody Kavkaza: muzeinye kollektsii, issledovaniia ob"ektov i iavlenii traditsionnoi i sovremennoi kul'tury*, pp. 103–14. SPb: MAE RAN.

Zakharova, E.Iu. (2015) "Adzharskaia kollektsiia negativov E.M. Shillinga cherez prizmu sovremennykh polevykh dannykh: opyt raboty s lokal'noi pamiat'iu" [The Ajarian collection of E.M. Shilling's negatives through the lens of modern field data: The experience of work with local memory], in *Sbornik muzeia antropologii i etnografii. Vyp. LX. Narody Kavkaza: muzeinye kollektsii, issledovaniia ob"ektov i iavlenii traditsionnoi i sovremennoi kul'tury*, pp. 64–85. SPb: MAE RAN.